

где у США есть свои интересы и не исключено, что в случае с Южным Кавказом американцы могут поступить так же.

Библиографический список

1. **Kemp, G.** Strategic Geography and the Changing Middle East / G. Kemp, R. Harkavy. – Brookings Institution Press, 1997. – P. 13.
2. **Peters, R.** Blood Borders. How a Better Middle East Would Look; 2006 г. / R. Peters. – Режим доступа: <http://www.afji.com/2006/06/1833899/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
3. **Павлов, О.** История одного проекта демократизации на Ближнем Востоке / О. Павлов, О. Алексеева // Международная жизнь. – 2007. – № 5. – С. 73–75.
4. **Brzezinski, Z.** The Grand Chessboard. American primacy and Its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski. – New York: Basic Books, 1997. – P. 70.
5. **Халидов, Д.** Россия и исламский мир / Д. Халидов // Северный Кавказ. – 2005. – № 41 (окт.). – С. 6–7.
6. **США могут потерять опорную военную базу Инджирлик в Турции**; 2010 г. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1260314.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. **Крылов, А. Б.** Непризнанные государства в геополитическом контексте / А. Б. Крылов // Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России / А. Б. Крылов – Ростов-н/Д, 2005. – С. 37–38.
8. **США помогают странам бывшего СССР крепить оборону**; 2004. – Режим доступа: <http://www.washprofile.org/ru/node/916>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. **Дегоев, В. В.** Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями / В. В. Дегоев. – М., 2006. – С. 263–264.
10. **Панин, В. Н.** Влияние геополитических факторов на современное состояние этнополитической ситуации на Кавказе / В.Н. Панин // Конфликтология. – 2006. – № 1. – С. 45.
11. Подробнее об этом **Юнусов, А.** Габалинский ребус / А. Юнусов // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2007. – № 73 (май-июнь).
12. **Рябцев, В. Н.** Современный иранский кризис как объект геополитического анализа: региональный и глобальный контекст / В. Н. Рябцев. – Ростов-н/Д : Изд. ЮНЦ РАН, 2008. – С. 162.
13. Подробнее об этом **Сучков, М. А.** Нагорный Карабах в «большой стратегии» США на Кавказе / М. А. Сучков // Майендорфская декларация 2 ноября 2008 года и реакция на ее принятие : сб. статей // Сост. В. А. Захаров, А. Г. Аршев / отв. ред. А. А. Орлов, В. Н. Панин. М. : НП ИД «Русская панорама», 2009. – С. 180–193.
14. **Верхотуров, Д.** Американцы воссоединили Азию; 2006 г. / Д. Верхотуров. – Режим доступа: <http://www.usinfo.state.gov/russian/Archive/2006/Jan?09-139762.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

ТЮРКСКИЙ ФАКТОР В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Г.З. Рахимуллина
(Россия, г. Казань)

Стремительно растущие в последнее время связи на различных уровнях (взаимные визиты, саммиты тюркоязычных государств, двусторонние контакты) позволяют вновь говорить о повышении влияния и значимости Турции в центрально-азиатском макрорегионе. В настоящее время в мире этносы, входящие в состав различных государств, стремятся к воссоединению и созданию собственного однородного национального образования, на единой территории, за счет других этносов, проживающих на данной территории. Из этого следует, что необходимо искать какие-то новые пути интеграции народов на этнической почве, минуя опасное поле перекраивания исторически данных государственных границ.

Ties between Turkey and Central Asian states have been speedily growing in the recent time at various levels from summits of the Turkish language states to bilateral contacts and mutual visits. This makes it possible to speak about a resumed rise of Turkey's influence in the Central Asian macro-region. At present ethnic groups, belonging to different

countries, strive for reunion and set up their own similar national education system in common territory at the expense of ethnic groups living in this territory. It follows that it is necessary to seek new ways of integration of this people escaping dangerous field of reshaping frontiers.

Ключевые слова: *тюркские народы, Центральная Азия, политические процессы, языковая политика, страны СНГ, тюркизм.*

Key words: *Turks people, central asia, political processes, language policy, countries of CIS, Turkism.*

С распадом Советского Союза и возникновением независимых стран Центральной Азии на международной арене правительствами молодых государств стала выстраиваться новая линия внешнеполитических приоритетов. Так, до 1992 г. основным направлением международной деятельности постсоветских стран являлось укрепление и развитие политико-экономических отношений в рамках Содружества Независимых Государств. Однако позже, как известно, приоритеты изменились и повернулись в сторону Запада, в частности, Соединенных Штатов, главным образом с целью получения финансово-экономической помощи, а также поддержки в принятии их в международные организации в качестве полноправных членов. Одновременно с этим стала прорабатываться стратегия сотрудничества молодых стран с мусульманским миром и Турцией в частности.

В 1990-е гг. бесспорным идеологом и вдохновителем тюркского единства считалась Турция. Бывшие советские республики, находившиеся в затяжном системном кризисе, видели в Турции образец, эталон современного, динамично развивающегося государства. В самой Турции даже было создано министерство, отвечающее за связи с родственными государствами, лежащими восточнее ее границ [1].

Как известно, турецкое правительство тоже в свою очередь уделяет значительное внимание центральноазиатскому вектору внешней политики, направленному на развитие и интенсификацию всех форм взаимоотношений с этими странами.

Указывая на историческое, этническое и культурное родство с народами этих стран, турецкая сторона подчеркивала, что тюркоязычным странам в настоящее время представился уникальный шанс для укрепления и развития этих связей [6, с. 35–50].

Главным аргументом в пользу этого сценария называют культурную и языковую общность народов населяющих весьма обширный регион. В мире существует 6 стран, где главную роль играют именно тюркоязычное большинство, в их число входят Турция, Азербайджан, Кыргызстан, Туркменистан, Казахстан и Узбекистан. Тюркоязычные народы населяют также регионы, автономии и национальные республики, входящие в состав других государств. В данном случае речь идет о России, Китае, Украине, а также непризнанной Турецкой Республике Северного Кипра. В географическом сопоставлении ареал распространения тюркоязычного пространства приходится на важнейшие регионы евразийского континента – от Балкан до Восточного Туркестана.

В свете проводимой центральноазиатской политики высшим руководством Турции была выдвинута инициатива создания наднационального тюркского единого политико-экономического пространства, включая формирование общего рынка, единой региональной энергосистемы и системы транспортировки энергоресурсов, а также определения общего языка для тюркских государств [12].

В прежние годы были запущены проекты, хоть и обращенные в далекое будущее, но имеющие все основания развиваться и набирать соответствующие темпы. Имеются в виду идея единого общетюркского языка и алфавита, проект написания единой тюркской истории, с последующим ее изданием и распространением во всех тюркоязычных государствах, проект единого информационного пространства и прочие.

Вообще, культурно-идеологическая составляющая традиционно играет роль цементирующей основы проектов тюркской интеграции. Неслучайно основными носи-

телями идей тюркизма всегда являлись яркие представители творческой интеллигенции, люди культуры, науки, искусства. Именно они вдохновляли политиков и общественных деятелей на действия по практическому объединению тюркских народов.

Романтика первых лет независимости, повышенные ожидания обществ бывших советских республик от грядущего независимого существования послужили благодатной почвой для реабилитации идей тюркского единства, придания им нового звучания. С 1985 г. и в последующие годы на волне гласности и демократизации летом и осенью 1990 г. были сделаны первые шаги к налаживанию контактов и сотрудничества, а также проявились первые объединительные тенденции демократических и национально-демократических организаций тюркских народов СССР. По инициативе известного казахского поэта и общественного деятеля Олжаса Сулейманова и его помощника Алмаза Естекова летом 1990 г. в Москве был проведен 1-й съезд народов Востока СССР. Турция в декабре 1990 г. созвала в Стамбуле Международный курултай Туркестана, где в центре внимания оказались «внешние тюрки» (*diş türkler*). До этого действовавший в Анкаре Институт исследований культур тюркских народов, сотрудничавший с Институтом исследования СССР в Мюнхене, проводил широкую пропагандистскую деятельность среди тюркоязычных народов Советского Союза [11, с. 56]. С руководителями бывших союзных республик Турция подписала ряд договоров о сотрудничестве в области культуры и образования.

В марте 1991 г., после официального визита в Москву, тогдашний президент Турции Тургут Озал посетил также Азербайджан и Казахстан. По возвращении он дал соответствующие указания министерствам иностранных дел и культуры Турции, направленные на содействие культурным реформам в этих республиках. Сотрудничество с тюркскими странами в области культуры включало доставку туда турецких газет, журналов и учебников, обмен студентами, проведение совместных культурных мероприятий, туризм и т.д. [7, с. 38] К концу февраля 1992 г. многочисленная делегация во главе с министром просвещения Турции посетила республики Центральной Азии. Стремясь к более системной и эффективной реализации своих проектов в этой сфере, Анкара в 1992 г. создала Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию (турецкая аббр. – ТИСА), главной целью которого является координация связей в области банковского дела, а также подготовка государственных служащих и создание компьютерных сетей [21, с. 135].

Первое участие лидеров общественных организаций СНГ в крупнейших тюркских международных форумах можно отнести к июню 1992 г. 6–7 июня 1992 г. в г. Нью-Йорке в рамках съезда Ассамблеи тюркско-американских ассоциаций (АТАА), проводящегося регулярно с 1979 г. в США, одновременно была проведена 2-ая Всемирная тюркская конференция [19]. А 3-я Всемирная тюркская конференция состоялась 4–5 декабря 1993 г. в г. Вашингтоне.

В этих форумах принимали участие небольшое количество официальных руководителей и представителей тюркских государств. Основная же масса делегатов данных конференций представляла собой общественных деятелей, ученых и деятелей культуры тюркских народов, проживающих в США, Турции, Западной Европе, СНГ и Азии. Другими крупнейшими тюркскими форумами, в которых приняли участие лидеры АТН и другие общественные деятели, были съезды Дружбы, Братства и Сотрудничества и Сотрудничества тюркских государств и народов.

Для лидеров тюркских общественных организаций СНГ эти международные форумы имели большое значение. Во-первых, они смогли рассказать о проблемах своих народов мировому общественному мнению. Во-вторых, многие из них впервые увидели широкий мир за пределами СНГ, расширили свой общий и политический кругозор. В-третьих, многие из них впервые налаживали дружеские связи со своими братьями – тюрками за пределами СНГ.

После установления межгосударственных связей между Турцией и тюркоязычными государствами новым форматом взаимоотношений стали саммиты глав тюр-

коязычных государств, проведение которых, в свою очередь, выявило ограниченность тюркского союза, к которому стремилась Анкара и к идее создания которого, собственно говоря, были приурочены такие встречи с участием первых лиц тюркских государств. Впервые с предложением провести саммиты с участием глав тюркоязычных государств выступил Сулейман Демирель во время официального турне по центральноазиатскому региону в марте 1992 г. Турецкая сторона предполагала, что такой формат встреч станет удобной платформой для обсуждения вопросов сотрудничества и перспектив установления тесных политико-экономических взаимоотношений между тюркскими государствами. В этом смысле саммиты глав тюркских государств представлялись консультативным, координирующим механизмом межгосударственных отношений, не включающим вопросы региональной безопасности. Несмотря на атмосферу эйфории первых месяцев налаживания двусторонних отношений между Турцией и тюркоязычными республиками Центральной Азии, были зарегистрированы случаи, которые не вписывались в общую картину дружбы. Так, в 1992 г. в Кыргызстане был ограблен чрезвычайный и полномочный посол Турции в этой республике Метин Гокер [10, с. 451].

Турция без колебаний взяла на себя роль страны – лидера тюркских государств. Подобная роль турецкой стороны явно не устраивала центрально-азиатских лидеров, и они, в частности, президент Узбекистана И. Каримов, продемонстрировали свое недовольство явно менторской позицией Турции. Не удивительно, что Узбекистан и Казахстан категорически отвергли турецкие предложения и планы по созданию наднациональной координирующей структуры тюркских государств [18, с. 251].

Саммиты тюркоязычных государств не рассматривались центрально-азиатскими республиками как приоритетные. Это видно и на примере нарушения ежегодного графика проведения саммитов. В последнем обстоятельстве, как полагают, не малую роль сыграло и давление со стороны России.

Именно этим обстоятельством был вызван первоначальный перенос проведения второго тюркского саммита в Баку, а впоследствии и вовсе его отмена [20]. Таким образом, явное отрицательное отношение Москвы к намеченной бакинской встрече, экономическая привязанность среднеазиатских стран к России привели к тому, что, как сообщила турецкая пресса, И. Каримов выступил за перенос встречи, а без участия лидера Узбекистана такая встреча была бы мало результативной [15, с. 433].

В 1994 г. серьезные разногласия проявились и в турецко-узбекских взаимоотношениях. После того, как Анкара предоставила политическое убежище лидеру узбекской оппозиционной партии «Эрк» Мухаммеду Салиху, посол Узбекистана в Анкаре был отозван из Турции [21, с. 24]. Другим немаловажным фактором в межтюркских разногласиях остаются споры вокруг дальнейшего статуса Каспийского моря и о принадлежности некоторых нефтяных месторождений.

Налицо факт, что возможности Турции для расширения своего политического и экономического влияния в Центральной Азии в действительности оказались строго ограниченными. Борьба между Астаной и Ташкентом за региональное лидерство, а также нарастающие темпы развития этих государств в перспективе окончательно сводят на нет турецкие планы создания «Пантюркского союза» с лидирующими позициями Анкары.

Прошедший в апреле 2000 г. шестой тюркский саммит в Баку стал весомым доказательством углубления противоречий между тюркскими государствами, вновь выявив, что между ними больше разъединяющего, нежели объединяющего, и показав заинтересованность в резком усилении экономического компонента сотрудничества. Отсутствие на Бакинском саммите президента Узбекистана И. Каримова и президента Туркменистана С. Ниязова можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, между Азербайджаном и Узбекистаном возникали трения еще со времен президента А. Эльчибея. Кроме того, узбекский лидер придерживался обособленной линии, проводя особую политику в межтюркских отношениях и стараясь противодействовать менторскому и покровительственному тону турецких политиков, которых всячески поддерживала азербайджанская сторона.

В преддверии открытия седьмого тюркского саммита в Стамбуле в 2001 г. государственный министр Турции Абдулхалук Мехмет Чай признал недостаточной работу по сближению тюркоязычных государств и призвал ускорить укрепление экономического и культурного сотрудничества. В свою очередь, президент Туркмении С. Ниязов обвинил руководство Турции в преследовании не экономических, а именно политических интересов. Стамбульский саммит проходил 26–27 апреля 2001 г. в рамках празднования 700-летия Османской империи. Демонстративное отсутствие И.Каримова на саммите тюркоязычных стран стало свидетельством недолговечности очередного потепления в турецко-узбекских двусторонних отношениях, что, впрочем, было связано с покушениями на узбекского лидера в 1999 г. и муссировавшимися слухами о наличии в нем турецкого следа [5, с. 32–35].

На восьмом саммите глав тюркоязычных стран – Казахстана, Турции, Азербайджана и Кыргызстана – в ноябре 2006 г. в Анталье президент Нурсултан Назарбаев впервые выдвинул предложение о создании Межпарламентской Ассамблеи тюркоязычных государств. По его мнению, новая структура должна стать еще одним действенным механизмом «развития взаимовыгодного сотрудничества». Ассамблею, как отметил Н. Назарбаев, мог бы дополнить Совет аксакалов тюркоязычных народов, в состав которого должны войти «авторитетные в тюркском мире люди, видные политические и общественные деятели, а также деятели культуры» [4, с. 296].

В феврале 2008 г. на состоявшейся в Анталье встрече заместителей председателей парламентов четырех тюркоязычных государств (Турции, Казахстана, Азербайджана, Киргизии) протокол о намерениях в поддержку инициативы казахстанского президента был подписан [2]. Сотрудничество тюркских государств развивается и обретает новые организационные формы, и его главной составляющей все более выступает культурно-гуманитарная сфера, да и единства в рядах тюркских государств по-прежнему не наблюдается. Главная идея, определявшая смысл и направление работы тюркских саммитов с начала 1990-х гг. – создание политического и экономического объединения тюркоязычных республик СНГ во главе с Турцией, – все более отходит на задний план [16].

26–28 августа 2009 г. в г. Нахичевань, наконец, удалось провести неоднократно откладывавшийся IX саммит глав тюркоязычных государств. Судя по решениям нахичеванского саммита, тюркский мир обретает организационную структуру, которая позволит ему действовать более скоординировано и эффективно. Однако более полутора десятилетий, прошедших до принятия этих решений со времени распада СССР, а также предыдущий опыт функционирования «тюркского содружества» заставляет усомниться в эффективности новой организации.

Основой политико-экономического объединения тюркоязычных стран планировалось сделать совместные экономические проекты и прежде всего – в сфере добычи и транспортировки углеводородов. Все тюркоязычные страны Центральной Азии, кроме Киргизии, богаты нефтегазовыми ресурсами, а не имеющая их Турция располагает уникальным географическим положением для транспортировки этих ресурсов на Запад. Нефтегазовое сотрудничество тюркских государств развивалось главным образом в рамках двусторонних отношений и проектов, а основной темой тюркских саммитов и курултаев стало гуманитарное сотрудничество, которое, по мысли их идеологов, может стать прологом к более тесному политическому и экономическому объединению. Гуманитарное сотрудничество тюркских стран СНГ с Турцией началось в 1992 г., сразу после распада СССР. В январе 1993 г. был принят закон, по которому Турция взяла на себя финансирование двух совместных программ по образованию и культуре, рассчитанных на пять лет.

Несмотря на отсутствие разногласий и серьезных проблем в двусторонних отношениях, совпадение взглядов по многим основным международным вопросам, турецкий вектор не стал доминирующим во внешней политике ни одной из центральноазиатских стран. Итоговые документы саммитов глав тюркоязычных государств явились тому подтверждением. Они не содержали положений, указывающих

на особые отношения этих стран в какой-либо иной сфере, кроме культурно-образовательной [14, с. 512].

Как показала практика, тюркизм более привлекателен для тех тюркских образований и народов, которые или не имеют своей независимой государственности и стремятся к ней, или же для независимых государственных образований, которые сталкиваются с вызовами внешнего и внутреннего характера. Тюркоязычные страны Центральной Азии идеями тюркизма при верховенстве Турции не увлечены. Узбекистан и Туркменистан, например, именно себя считают колыбелью тюркской цивилизации со всеми вытекающими из этого последствиями. Казахстан и Киргизия также не полны энтузиазма по отношению к тюркизму и лидирующей роли Турции, создав собственную философию национально-государственного строительства.

Что же касается первой группы, то есть народов, не имеющих собственной государственности и стремящихся к ней, то идея тюркизма может быть привлекательна в первую очередь для тюркоязычных народов Российской Федерации. В таком случае складывается весьма парадоксальная ситуация. Россия, позитивно оценив турецкую кавказскую платформу, фактически приглашает Турцию на Южный Кавказ, при том, что усиление турецких позиций здесь могут представлять серьезную угрозу в первую очередь позициям Москвы не только в регионе, но и в пределах собственной территории [3].

В политическом аспекте тюркская тематика для тюркоязычных народов также недостаточно актуальна: первоочередными для них являются задачи национально-государственного строительства. Со временем снисходительно-опекунское отношение Турции пусть к «братскому», но все же третьему «тюркскому миру» сменилось признанием культурно-образовательных, а также ментальных различий турок и жителей азиатских постсоветских республик. Данный факт под прессом пропаганды языкового, культурного и этнического родства поначалу сбрасывался со счетов. Уверенность Анкары в том, что она лучше своих восточных партнеров знает их проблемы и потребности, привела к ряду политических кризисов во взаимоотношениях сторон. В частности, неожиданностью стал для турецких властей отказ тюркоязычных стран от предложенного Анкарой участия в Тюркских саммитах Турецкой Республики Северного Кипра. Кроме того, со временем центральноазиатские государства перестали нуждаться в посредничестве Анкары в отношениях с Западом [9].

В реальности, учитывая сложившееся положение дел в Центральной Азии, касательно вопросов интеграции, можно отметить весьма высокую усталость и яркую неприязнь некоторых сторон по отношению к ним. Нельзя не упомянуть скептическое отношение глав Узбекистана и Туркменистана к интеграции. Само по себе создание подобного союза, за исключением культурно-политического направления, является практически неосуществимым. Более того, апеллируя к энергетическому сектору сотрудничества, в случае отсутствия доступа к ресурсам некоторых тюркских стран, было бы нецелесообразным делать для них льготы при закупке ими энергоносителей, только в силу того, что они тоже тюрки. Политическое единство тюркоязычных государств откладывается, но не навсегда.

Библиографический список

1. *Велизаде, И.* Союз тюркских государств, или С чего начинается родина... – Режим доступа: <http://www.rian.ru/analytics/20091005/187597021.html05/10/2009>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. *Гурьев, А.* Пантюркизм шагает по планете. Анкара укрепляет тюркский фактор своей внешней политики (22.03.2008) – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1206264180>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. *Бабаян, Д.* Этнонационализм и этнополитическая ситуация в Азербайджане (28.10.2008) – Режим доступа: <http://www.yerkramas.org/publ/7-1-0-114>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. *Дегоев, В. В.* Россия, Кавказ и постсоветский мир. Прощание с иллюзиями / В. В. Дегоев. – М.: Русская панорама, 2006. – С. 296.
5. *Демоян, Г. А.* Тюркский мир: мечты или долгосрочные программы? Взгляд из Еревана (на арм. яз.) / Г. А. Демоян. – 2000. – № 4. – С. 32–35.

6. **Демоян, Г. А.** Культурно-образовательный панторкизм / Г. А. Демоян // Востокведный сборник / Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока ; отв. ред. А. В. Федорченко. А. О. Филоник. – М., 2002. – С. 35–50.
7. **Дрошак** (Знамя), год 22, 23.01.1991, с. 38. (на арм. языке).
8. **Кудряшова, Ю.** Взаимодействие Турции со странами Центральной Азии (28.10.2009) / Ю. Кудряшова. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1256710380>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. **Куртов, А. А.** Армения – Турция: противостояние или сотрудничество? / А. А. Куртов, А. М. Халмухамедов // Армения: трудности независимого развития. – М. : РИСИ, 1998. – С. 451.
10. **Ли, Ю. А.** Влияние научно-технической революции на подготовку профессиональных кадров в Турции / Ю. А. Ли // Турция: История, экономика, политика. – М., 1984. – С. 56, 61.
11. **Молдобаев, А.** Саммит глав тюркоязычных государств – Режим доступа: <http://easttime.ru/reganalitic/1/182> 26.01.2009, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
12. **Расизадзе, А.** Азербайджан: новые политические ориентиры. – Азия и Африка сегодня / А. Расизадзе. – М., 1993. – № 1. – С. 19–20.
13. **Турция между Европой и Азией.** Итоги европеизации на исходе XX века. – М., 2001. – С. 433.
14. **Шустов, А.** 9-й саммит тюркских государств – культура прежде всего? / А. Шустов // Фонд стратегической культуры. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
15. **Assembly of Turkish American Associations (ATAA) 13-th Annual Convention.** – New York City, 1992.
16. **Rasul, Y.** The Rebirth of Uzbekistan / Y. Rasul // Politics, Economy and Society in the Post-Soviet Era, Durham Middle East Monograph Series. – London, 2002. P. 251.
17. **Robins, P.** Turkey's Ostpolitik. Relations with the Central Asian States / P. Robins // Central Asian Meets the Middle East, Ed. By David Menashri. – London, 1998. – P. 135.
18. **Summit of Turkic Speaking Countries Postponed.** – RFE/RL Reports. – 18.01.1994. – HU-OSA. – 300/80/3/Box II.
19. **Winrow, G. M.** Turkey and the Former Soviet South / G. M. Winrow. – London, 1995. – С. 24.

АНАЛИЗ КЛАСТЕРНОГО ПОРТФЕЛЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Ю.Н. Томашевская
(Россия, г. Астрахань)

Представленная работа нацелена на изучение международной практики оценки уровня и этапа развития существующих кластеров, выступающей в качестве основы разработки кластерной политики. Рассматриваемые методы сгруппированы в три подхода в зависимости от критериев анализа кластеров. В работе проводится исследование сущности методов, их особенностей, преимуществ и недостатков. В рамках статьи автором также предпринимается попытка оценки перспектив использования данных зарубежных методов в специфических условиях экономики российских регионов в целях эффективной реализации кластерных проектов.

The paper presented is aimed at studying the international practice of an estimation of level and a stage of existing clusters development as the basis of the cluster policy development. Considered methods are grouped in three approaches depending on criteria of the cluster analysis. The article discloses the research of the basic content of the methods, their specifics, advantages and disadvantages. Within the article the author also tries to assess the possibilities for using the investigated international methods under specific conditions of Russian regional economy as the basis for successful implementation of cluster projects.

Ключевые слова: кластер, кластерная оценка, методы идентификации кластеров, количественные методы, качественные методы, жизненный цикл кластера, коэффициент локализации.